



И. М. Снегирев

**Русские
простонародные
праздники
и суеверные
обряды**

Иван Снегирев

**Русские простонародные
праздники и суеверные обряды**

Издательство «Кучково поле»

2011

ББК 63.5(2)

Снегирев И. М.

Русские простонародные праздники и суеверные обряды /
И. М. Снегирев — Издательство «Кучково поле», 2011

ISBN 978-5-9950-0226-0

Книга «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» – самый знаменитый труд русского фольклориста и этнографа, профессора Московского университета Ивана Михайловича Снегирева. В 1840 году Академия наук присудила автору за это сочинение Демидовскую премию, а император Николай I подарил бриллиантовый перстень. Исследование посвящено русским народным праздникам и связанным с ними поверьям. Берущие свое начало в глубокой языческой древности, эти праздники и по сей день живы в народе, любимы и широко отмечаются. Снегирев – один из первых ученых, кто обратился к изучению русских пословиц и поговорок, особенностей народного быта, обрядов и праздников. Главная его заслуга состоит в том, что он начал смотреть на эти важные проявления практической народной мудрости с научной точки зрения, обратил внимание на соотношения с аналогичными особенностями других народов, указал на заимствования некоторых у этих последних и старался расположить их в определенном порядке по антропологическим и историческим соображениям. Книга будет интересна не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей.

ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-9950-0226-0

© Снегирев И. М., 2011

© Издательство «Кучково поле», 2011

Содержание

Предисловие	7
Часть I	9
Общий обзор. Введение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Иван Михайлович Снегирев

Русские простонародные праздники и суеверные обряды

*На нашей улице праздник.
Русская поговорка.*

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,
господину Министру народного просвещения,
Государственного совета члену и разных орденов кавалеру
Сергию Семеновичу Уварову

с достолюбезным высокопочтением
посвящает сии воспоминания
отечественной народности

Сочинитель

Предисловие

Русские праздники простонародные и соединенные с ними древние поверья, составляя заветные стихии народности, входят во внутреннюю историю русского народа и его древности. О важности и необходимости исследования сего предмета говорили Шлецер, Карамзин и митрополит киевский Евгений. Представлено было несколько опытов, достойных внимания, господами Глаголевым, Макаровым и И. Сахаровым. Почтенный сочинитель книги «О великих Господских и Богородичных праздниках» (Киев, 1835) при некоторых из них приводит народные обычаи. После этого наконец и я отваживаюсь представить свой опыт русской эртологии, в коем излагается общий и частный обзор простонародных праздников с обрядами и относящимися к ним песнями. Сколько можно, мною обращено внимание на время и место, где и когда возникали и продолжаются сии праздники. Самое происхождение, содержание и цель оных решительно отделяют их от церковных святых празднеств.

Я не ограничивался известными и доступными мне источниками письменными. Как старинные обычаи живут более в народе, чем в книгах, то я собирал местные об этом сведения и живые предания посредством переписки или путешествий по России. Не могу умолчать искренней моей благодарности тем почтенным особам, кои содействовали мне в труде моем советами, указаниями и доставлением материалов: господам профессорам Ф. А. Голубинскому, П. М. Терновскому, И. И. Давыдову, М. П. Погодину, Ф. Л. Морошкину, С. П. Шевыреву, магистру М. С. Гастеву и достойнейшим сочленам по Обществу истории и древностей Российских А. Ф. Вельшману, Н. А. Полевому и князю М. А. Оболенскому. Господа директора гимназий, Костромской – Ю. И. Бартенев и Тверской – И. И. Лажечников радушно сообщали мне сведения, собранные ими по учебному округу через господ смотрителей и учителей. Профессор И. Н. Лобойко в Вильне, для меня отобрал от своих студентов, уроженцев из малой, белой, красной и черной Руси, записки о местных обычаях и поверьях, обогатил мое собрание. Почтенный сочлен по Обществу истории и древностей Российских, наш ревностный взыскатель отечественной старины, М. Я. Диев дополнял мои исследования своими наблюдениями в Костромской, Ярославской и частью во Владимирской губерниях. Касательно славянских древностей я пользовался советами и материалами господ Ю. И. Венелина и И. М. Бодянского; а в литовских и польских руководителями моими были господа В. Г. Анастасевич и И. Н. Лобойко. Сам, постигая всю важность и обширность избранного мною предмета, объемлющего внутреннюю жизнь русского народа в разных ее эпохах, нахожу, что он требует больших и разнообразнейших познаний и средств, постояннейших наблюдений и исследований, нежели какие я имел. Чем далее идти по этому поприщу, чем глубже вникать в этот предмет, по-видимому, столь обыкновенный и знакомый, но, по сущности, многосложный и разносторонний, тем более откроется новых сведений и соображений, важных для истории, филологии и философии. Как во время печатания книги попадались мне неизвестные материалы, то в некоторых местах были неизбежными повторение и отступления, в чем я прошу извинения у строгих требователей порядка.

Кажется, мой опыт уже сделается не лишним, если послужит материалом для будущих изыскателей русской древности в живых ее источниках, кои время от времени иссякают в народе; а труд мой будет награжден, если вызовет новых исследователей¹ и если заслужит внимание благонамеренных соотечественников и тем самым поощрит меня к продолжению сего

¹ Я готов с благодарностью помещать в следующих книжках дельные замечания благонамеренных наблюдателей для того, чтобы в одном сочинении соединялось то, что к нему относится.

издания, в коем поместится самое описание простонародных праздников в древние и новые времена.

И. Снегирев

3 февраля 1837 г.

Часть I

1

Общий обзор. Введение

Одним из сильнейших средств к сближению людей и народов и одним из обильнейших источников к познанию внешней и внутренней жизни каждого народа служат его праздники с относящимися к ним суеверными обрядами, хороводами, песнями и играми. Вместе с первыми верованиями возникши в колыбели человечества, по откровению самой природы, при образовании первого общества, они выражают в себе древний быт народа, климат той страны, где он жил, его понятия об астрономии, естествоведении, нравственности – его верование, историю и поэзию. Как верование проникает целую жизнь народа, то и гражданские постановления и семейные обычаи связуются теснейшим союзом с его мифами и поверьями, с его преданиями и сказаниями, с колыбельными песнями его младенчества, к коему сердце невольно обращается во всех возрастах человека. Народные праздники, торжественно и радостно обнаруживая нравственные и религиозные чувствования, доставляют участникам в оных льготу и наслаждение. Нигде с такой полнотой и свободой не раскрывается личность народная, как в праздниках; нигде столько, как в них, не сближаются люди душою и сердцем. Там укрепляется старое и заводится новое знакомство, там обмениваются мыслями и чувствованиями, там частное делается общим, прошедшее и будущее обращается в сладостное настоящее: там любимый *простор уму и разгул души*.

Большая часть праздников народных родилась в древнем язычестве, где с богослужebными обрядами соединяемы были судопроизводство и промышленность; от сего где был торг, там суд и расправа. Имея тесную связь с внешней природой и с внутренней жизнью народа, праздники ведут свое начало от его глубокой древности, входят в состав его истории, живописуют его дух и характер, намекают на коренный быт и на основные его идеи. Учрежденные по естественным эпохам года, они объясняются и освящаются мифами народными, кои содержат в себе поверья о божестве, человечестве и природе. Как поэзия жизни народной, они сливаются с символами и иносказаниями, песней и пляской – языком души и сердца, для всех понятным.

Все народы имеют природную склонность выражать торжественно радость и печаль. Сам Бог учредил и освятил праздники в народе еврейском для воспоминания своих к нему благодеяний, для возбуждения в нем благоговейных чувствований и для обвеселения сердец в дни покоя и свободы¹. «Первые праздники у греков, – говорит Аристотель, – ознаменованы были радостью и благодарением. По собрании плодов земных народ сходил в избранные места для жертвоприношений и для веселия, ощущаемого им при изобилии благ земных»².

Хотя праздники у всех народов древнего и нового мира имеют общие начала, как бы прирожденные человечеству, однако естественные и нравственные причины различия людей отличают оные по цели и выражению: от сего происходит различие в праздниках у воинственных и мирных племен, у земледельческих и пастушеских, у диких и просвещенных, у языческих и христианских, у жителей гор и долин, у восточных и северных народов. Вместе с переселением и смешением племен переселяются и смешиваются с другими их поверья и обычаи; от сего в римских праздниках находим следы греческих, в славянских – влияние тех и других, с примесью скандинавских, германских, финских и восточных.

Более или менее явственные останки славянорусского богоучения в язычестве заметны в поверьях, обрядах и праздниках народных, какие сохранились преданиями и доныне существуют в России и в тех странах Европы, где только прокладывало себе след славянское племя и где звучало его слово. Священные торжества у этого племени, подобно как и у других северных народов, сопровождалась мольбами, обетами и жертвоприношениями, гаданием, пением и плясками или играми, общественными пиршествами и взаимными дарами: они служили к утверждению союза и братства, свойственного пастушеским и земледельческим племенам. Сии дни общего веселья, приурочиваясь к временам *года*, бывали у них днями судов народных и

торгов, сроками работ и любовных сделок. У поляков *gody* значит *народный увеселительный праздник, пиршество*, которое у других славянских племен называется *Swatki* (Святки) и *Lato*. Русское слово *торжество* происходит от *торга*, сродного со свео-готфским *torg*. Самое слово *праздник* выражает упразднение, свободу от будничных трудов, соединенную с веселием и радостью. *Праздник* есть свободное время, освященное богопочтением, *обряд* — знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий; последний содержится в первом.

Русские народные праздники, по ближайшему отношению к мифам и поверьям, к внутренней истории и древностям народа, составляют часть археологии — *эортологию* (вортг| *праздник* и Лоуод *учение*), или учение о праздниках, входящих в состав народного календаря. Различествуя по цели и сущности своей от церковных, христианских празднеств, древние праздники народа остались от древнего его быта как отечественные обычаи, обратившиеся в игру его жизни³.

Источником простонародных празднеств и обрядов суть верования и обычаи, кои дают им особенную форму и характер сообразно с местностью. От различия в духе тех и других происходит различие в самых праздниках, какое видим в России, по количеству великой и малой, по качеству белой, черной и красной. Древний летописец изобразил нам несходство нравов и обычаев у старожилов и заморских пришлецов в русском мире⁴, у которых были свои верования и обряды, как у племен, впоследствии населивших южную и северо-восточную Россию. Хотя у этих племен и потомков и преемников их открывается некоторое сходство в поверьях и обычаях; однако есть многие местные особенности, о коих гласит и пословица: *Что город — то поров; что деревня — то обычай; что подворье — то поверье*.

С переменой образа жизни и правления, веры и нравов переменались в существе и виде своем или совершенно уничтожались древние мифы и праздники в русском мире, заменяясь священными, христианскими, или обычаями благочестивыми, кои противоположны были языческим. Ревность пастырей церкви истребляла капища и кумиры отечественных богов, строго запрещая суеверия, кои называли они в посланиях своих *эллинскими, латинскими, бесовскими, дьявольскими*⁵. О подробностях языческой религии умалчивают благочестивые летописцы наши, вероятно, чтобы самым напоминанием не подать повода к соблазну соотечественникам, еще неутвердившимся в православии. Осуждая внешние языческие обычаи, обряды и поверья, как противные чистоте веры христианской, первые ее проповедники в России — греки не говорили о чуждых себе божествах, в честь коих по привычке совершались оные, и даже после введения христианской веры еще удерживались в народе древние суеверия, с коими он сроднился и не легко мог от них отстать; под видом обычной игры и потехи он уклонялся в дремучие дубравы или клетки — совершать тайком заветные обряды. В двухвековое владычество татар над Россией священные уставы церкви, по выражению царя Ивана IV, *поисшатались*, и возобновились суеверные обряды, *поганские обычаи, игры, коби бесовские, Радуницы, Русальи об Иванове дне и кудесы*, кои запрещаются Стоглавом и о коих впоследствии предложится объяснение. Из летописи видим, что новгородцы в 1358 году «утвердились между собою крестным целованием играния бесовского не любить и бочек не бити»⁶. Кормчая, Номоканон, Стоглав, Духовный Регламент и пастырские послания святителей российских упоминают о разных поверьях язычества, кои из городов переселялись в села и деревни, от высшего сословия народа переходили к низшему. Сколь ни вытеснялись и ни искоренялись старые народные обычаи в век Петра I, однако они пробивались в разных местах и при разных случаях. Что истреблялось в одном месте, то удерживалось в другом. Нередко от древнего языческого богослужения оставались в народе одни принадлежности оногo — игра, хоровод, песня, пиршество, заповедное дерево, камень, источник, городище, места прежних *требищ, тризниц, торжищ*, или сборов праздничных⁷. Но как самородные, коренные мысли народа и признаки древнего его быта и

верования открываются и в этих немногих остатках, то из них мы постараемся вывести черты его мифологии как основания праздников народных.

Дунайские славяне, известные византийскому историку Прокопию, VI века по Рождеству Христову, по свидетельству его, «признавали единым Богом и владыкою мира, Творца молнии; сверх того, почитали реки, нимф и других духов»⁸. Но когда сии славяне расселились и раздробились по северо-восточным странам Европы, то и религиозные понятия их смешались с понятиями тех народов, с коими они сближались; от сего и различие в мифологии славян юго-западных и северо-восточных, у которых единство мысли о божестве, происшедшее от первобытного единства верования, распалось на части и образы. Вероятно, что и религия заморских пришельцев слилась с религией финнов и славян, потому что те и другие находили сходство в божествах своих. Скандинавский *Фиоргун* (Fiorgun), *жизнодатель*, нечуждым показался славянскому *Перуну* (лвр *огонь*, рiогун *молния*), оплодотворяющему землю, а *Волос* последних *Валассу* (Vali-àss, Val-ass) первых, как божества, покровительствующие земледелию и скотоводству. Скандинавский *Бел*, или *Бал*, божество огня и света, сходное с азиатским *Балом*, и *Тор* громоносный, с млатом в руке (Mjolner – *молния*) перешли в *Белбога* и *Чернобога*, означающих двойственность славянской религии, от коей германская различается своей тройственностью; скандинавский *Один*, или *Водин*, вероятно, преобразился в водяного⁹.

Великий князь Владимир I в язычестве своем, вместе с соединением разных народцев, населявших тогдашнюю Русь, соединил в стольном граде своем Киеве и семь их главных божеств, именно: *Перуна*, *Волоса*, *Дажьд-бога*, *Стрибога*, *Хорса*, *Семаргла* и *Мокоша*. Кумир первенствующего из них, Перуна, обожаем был и на Днепре, и на Волхове, первый низринут был по введении христианства¹⁰. В Четых Минеях св. Димитрия описываются следующие поставленные в Киеве Владимиром божества: «Начальнейший *Перун*, его же вероваху быти грому и молниям и облаком дождевым; второй *Волос*, мнимый быти бог скотов; третий *Позвизд*, или *Вихор*, бог воздуха; четвертый *Лад*, бог веселия; пятый *Купало*, бог плодов земных; шестый *Коляда*, бог празднования, в зиме бывающего, и инии меньшии боги, не точию в Киеве, но и по всем Российские державы странам»¹¹. В большой Макарьевской Минее упоминаются только истребленные великим князем Владимиром идолы: *Перун*, *Хоре*, *Дажб*, *Мокогий*, *Волос*.

Под влиянием христианства народ, забывая наконец своих главных богов, припоминал только второстепенных и особенно мифы физические, кои имеют предметом олицетворенные явления и силы естества, или символы житейских потребностей, каковы: *Ярило*, *Купало*, *Лад*, *Чур*, *Авсень*, или *Таусень*, *Значь*, *Веснянки*, *Осенянки* и *Зимнянки*, *Водяны*, или *Водяные*, *Моряны*, *Огняны*, известные и карпатороссам, *Ветряны*, также *Русалки*¹², *Кикиморы*, *Карацуны*, *Яга-баба* и *Ведьмы*. По мнению народа, в лесах владычествовал *Леший*, в полях *Полемой*, в домах *дедушка Домовой*, который бывал и *Постенем*, а в подпольях *Лизуном*. Все сии существа мифические более или менее входят в семейный быт простого народа, содействуют или противодействуют ему в жизни, ублажаются жертвами или изгоняются заклинаниями и особенными обрядами¹³, из коих многие недавно истребились. Только в 1765 году уничтожен Тихоном I в Воронеже, в 1771 году в Костроме Симоном, а в Твери Мефодием в 1805 году праздник в честь *Ярилы*, нашего Ерота и Лингама¹⁴, который, по словам иерарха, в тех странах почитаем был за бога до введения христианской веры: Ярилу представлял избранный от мира человек, которого, перед заговеньем Петрова поста, обвязывали всякими цветами, лентами и колокольчиками и, надев на голову высокий колпак с лентами, водили с плясками по площади. Такое же почти празднество бывало в селениях Рязанской и Тамбовской губерний. Хотя *Лады* Нарушевич не находит ни в литовской мифологии, ни у германских славян, но у одних русских, у которых Лад вспоминается в следующей пословице: *Не надобно и клад, коли у мужа с женою лад*¹⁵; однако в экземпляре Кромеровой истории, хранящемся в Рижской

публичной библиотеке, написано старинным почерком следующее: «Ив наше время литовцы, равно как летты и кури призывают Ледо или Ладо около Иванова дня. Тогда, по старинному суеверию, украшают они цветами и древесными листьями источники и собирают травы, кои почитают полезными от всякой болезни». *Ладе* у карпато-россов празднуется в день Купалы. Наш *Лад* и *Ладо*, как купа, сходны с римскими *Яном* и *Яною* (Deiva Jana), богом солнца и богиней луны, воспеваемыми в Салийских песнях. Хотя Карамзин и говорит, будто неизвестно ни одной старинной песни, где бы воспевалось имя *Купала*¹⁶; но мы представим довольно таких песен. *Купало* и *Купальница*, как увидим, известны почти во всей России.

Сколько в России есть урочищ, запечатленных именами языческих богов и служащих местом для игрищ! *Перун* есть урочище в Новгородской губернии в Устюженском уезде; *Перунина пустыня* — в Весьегонском уезде на ручье Задворевском; *Перуново*, или *Ладовичино*, — в Ржевском уезде; *Перунов* — в Полоцком повете; *Перу нова рень* — в Киеве. Воспоминание о Волосе сохранилось в *Волосовой улице*, или *Волосове*, в Новгороде и в суеверных обрядах *Опахиванья*, или *Коровьей смерти*. *Тур* часто повторяется в названиях рек, гор, селений *Туровых*, *Туровских*. По Троицкой дороге близ Воздвиженского есть городец *Белые боги*, ныне *Бельский стан*, или *Белухинская роца* (кортомб), где, по старому преданию, на высоком холме стояла дубрава заповедная, а в ней было капище. *Ярилом* слывет ярмарка в Оренбургской губернии, а *Купальницей* — в Переславле-Залесском, где, подобно как в Ростове в XII веке, при царе

Василии Шуйском существовал камень (Волос, вероятно), в честь коего совершалось празднество 19 июня¹⁷. Подобно древним народам мира, у славян огромные камни были предметами обожания: следы сего донныне сохранились суеверием. Недалеко от Москвы близ села Архангельского в лесу находится яма, которую почитают местом идола *Тучева*, вероятно, аэролита, упавшего из тучи. В описании древних городов русских дальних и ближних упоминается *Корочюпов камень*¹⁸. В Тульской губернии в Одоевском уезде у простолюдинов находятся в великом уважении два больших камня: *Баш* и *Башиха*, подобно Черемисскому Чембулатке; на Ладожском озере, на острове Коневце, лежит в лесу *Конь-камень*, коему в XV веке ежегодно приносили в жертву коня¹⁹, а в Ефремовском уезде на берегу Красивой Мечи вокруг *Коня-камня* совершается *Опахиванье* во время скотского падежа. Доселе еще не истребилось в простом народе особенное почтение к некоторым колодезям или студенцам и озерам, коим, по свидетельству летописей наших, он приносил требы и там совершал гадания и омовения, также древним дупловатым деревьям, особенно дубам, кои и в северной Германии почитались священными даже по водворении христианства.

Вообще всё, что сохранилось в народе преданием от древнего богоучения, более и более принимало форму простого суеверия и, теряя коренное свое значение, присоединялось к христианским праздникам и обрядам в виде старого обычая и поверья; нередко невежество и закоснелая привычка смешивали давно знакомые им принадлежности языческих божеств с христианскими святыми, с торжествами церкви — обряды капищ идольских, на месте коих большей частью сооружены первые церкви или часовни, какие находятся в Киеве, Новгороде и т. д. Невозможно было искоренить одним разом то, с чем свыклась душа и что поддерживало самобытность народа, который старался удержать празднества и поверья своей древности потому еще, что они соединены были с различными играми и увеселениями. Константин Великий, уже по введении христианской веры в империи, не запретил продолжать древние обычаи, в постановлении своем касательно оных. Великий князь Владимир I, уже просвещенный Евангелием, допускал некоторые обычаи старинные — *живяшие по устройению дедню и отчу*²⁰. Из снисхождения к закоснелым суевериям и простоте ума народа проповедники христианской веры, желая ослабить языческие суеверия, терпели их между самими христианами²¹, у которых унижались оные превращением в потехи и увеселения; они переводили имена отечественных богов народа на имена святых, и чем прежде в его быту заведывали первые, тем в

последствии стали заведовать другие: от сего, вероятно, произошли прозвания святым, заимствованные от стихий, климата, времен года, от предметов домашнего быта и сельских трудов, например: *Борис* и *Глеб*, в Белоруссии – черный и белый хлеб, по всей России – *Илья Пророк*, представитель грома, заступивший место *Перуна*²², св. Иеремия – *запрягальник*, св. Феодосия – *колосьяница*, св. Агриппина – *купальница* и т. д. Св. Власий заменил низверженного *Волоса*, бога скота, о котором донныне напоминает праздник *Вел-окс*, отправляемый мордвою, потомками ростовской мери; *Богдан* заместил *Даждь-бога*. И наоборот, иногда христианским святым невежество черни придавало вид кумиров своего язычества: так св. Крестителя Иоанна оно обратило в Купалу, св. Вита на острове

Рюген, по свидетельству Гельмольда, – в Свето-вида на белом коне, или святого витязя, которого смешивали со св. Георгием²³; даже святые иконы называли *богами* и святые церкви – *божницами*. Поморяне в 1124 году изъявляли желание поклоняться и старым божкам своим, и вместе Иисусу Христу; в старинных песнях русских Троица и Богородица воспеваются вместе с Ладом. Потом собственные имена богов переходили в нарицательные, подобно как они прежде из нарицательных сделались собственными, отличая предметы чувственные, их действия и свойства, например: *Перун*, *Погода*, *Лад*, *Чур* и т. д. Возбужденное благоговением к христовой вере омерзение к древнему идолопоклонству превращало имена богов в ругательства – *Тора* в *черта*, в немецкого Тног *болвана*, *дурака*, сходного с черемисским *чортом*, *Буга*, или *Бука*, – в пугалища, кумиры богов – в *болваны* и *чурбаны*²⁴, также самых божичей, не упоминаемая их настоящие имена, просто называли *бесами*.

Чествовать предметы своего благоговения праздниками сродно человеку, для которого верование включает в себе протекшее и будущее, божество и мир духовный, природу и его самого. В его праздниках выражаются его обеты, надежды и воспоминания собственного прошедшего, которое для него становится кумиром. С истреблением внешнего идолослужения при введении веры христианской в Россию понятия тогда преобладавшего язычества, внедряясь в дух и быт народа, проявлялись в древних праздниках его и поверьях, даже христианские торжества церкви получали названия языческих, как, например, *Русальская неделя*, *Купало*, *Радунница*. Но праздники церковные и народные по духу и цели своей различны, хотя суеверие и невежество примешивают одни к другим. Церковные праздники, кои свидетельствуют об истине событий, составляющих сущность веры христианской, представляют разительную противоположность с древними языческими, простонародными, ибо одни, как живые уроки об истинах евангельских, введены церковью для возбуждения в нас благоговения и благодарности к Богу²⁵, а другие, созданные свободной фантазией народа во тьме язычества, имеют отношение и приложение к древнему его быту, жизни, и как поэтическое выражение оных. У первых – предмет духовность, у других – более чувственность: одни возбуждают благоговейные и высокие ощущения, а другие обращаются в веселие и забаву, каким предается народ по естественному влечению поврежденного человечества и по укоренившейся привычке. Хотя последние иногда совпадают с днями первых, но мы будем рассматривать отдельно простонародные праздники русских славян как остатки языческих от христианских торжеств, подчиняя первые, сколько возможно, условиям времени и места.

1. В первом отношении они древние и новые: одни – образованные в язычестве и удержавшиеся в христианстве до XVIII века, а другие – с XVIII века до наших времен.

Неизвестно, как славяне жили в диком и грубом состоянии – сперва родами, потом и племенами; праздники их климата и духа, вероятно, начинаются вместе с удовлетворением главных потребностей жизни, вытекают из общежительства. Глубокая древность есть причина, что мы не знаем с хронологической точностью установления религиозных торжеств, кои древ-

нее житейских; праздники, происходящие от разных занятий в году, у славян русских появились позднее, чем у славян западных; ибо в Русской земле, по суровому климату и местности, жили единообразно; начало их праздников с вероятностью отнести можно не далее, как к VII или VIII веку по Рождеству Христову.

Праздники с жертвоприношениями были главной принадлежностью древнего богослужения у славян, как у народов древнего мира; жрецы, которые ведали летоисчисление и времена праздников в честь разных божеств, назначали метанием жребия торжества и жертвоприношения, на кои стекались мужи и жены с детьми²⁶. У народцев, населявших Север наш, в самой древности существовали *игрища между селу*, на коих они брали себе жен, и *Тризна* над мертвецом; отечественные писатели наши, упоминая о сходбищах на игрища, на плясанье, пение, на борьбу и битвы дреколем, кои бывали в божественные праздники, умалчивают о том, в честь каких божеств совершались сии позорища. С точностью нельзя сказать, чтобы существовали на нашем Севере храмы и капища богов и божницы, из коих упоминается в летописи одна *Турова божница*²¹. Вероятнее, что местами богослужений были городища, камни жертвенные, берега рек и озер, мосты, горы и дубравы священные, кои у германских племен были также местами суда и расправы, а жрецы – их судьями.

В приписанном великому князю Владимиру Уставе, впрочем, важному для нас по своей древности, упоминаются обряды и поверья язычества, как то: «о моленье под овином и рощею или у воды, чародеянии, волховании» и т. д. Преи. Нестор, близкий ко временам язычества в России, свидетельствует, что еще при нем «схожахуся на игрища и на плясанье, и на вся бесовская игрища. Видим бо игрища утолоченна и людий много множество, яко упихати начнут друг друга, позорища деюще от беса замышленного дела». Сходное с этим упоминается в Кормчей книге (гл. 17). Русский переводчик св. Григория Богослова в XI веке вставил от себя в тексте следующее замечание, касающееся суеверий его отечества: «Ов требоу створи на стоуденьци дьжда иски от niego, забыв яко Бог с небесе дьждь дает. Ов несущим богом жьреть и Бога створьшаго небо и землю раздражает. Ов реку богию нарицаеть и зверь живющъ в ней яко Бога нарицая, требу творить», и т. д.²⁸ В Номоканоне, напечатанном во Львове в 1646 году, пишется следующее: «О верных, последующих Еллинским обычаям и плясанием на брацех, и на стогну творящих, или русалком, или гласовом птичим верующих, или новомесячию, или оустретениям, или истязанием внимающих, или огня паления на стогнах, яже творяху Еллини древле. А ныне яко же видим христианские дети сия творят (купала), в навечерия праздничные по некоему обычаю древнему: или в одежду женскую мужие облачатся и жены в мужескую: или наличники, яко же в странах Латинских зле обыкши творят». Митрополит русский Кирилл в XIII веке в правиле своем замечает: «Паки же уведехом бесовская еще дьржаще обычая треклятых Еллин, в божественные праздники позоры некакы бесовские творити, с свистанием и с кличем и выплем сзывающее неки скаредный пьяница, и бьющееся дрьколеием до самыя смерти и възимающе от убиваемых порты. На укоризну се бывает Божиим праздником и на досаждение Божиим церквам. Паче о сем досажают нашему Спасу и Заступу, иже нас избави от проказы смертныя и от туги дьяволя и обьвеселивай сердца наша святыми четьными праздники» и т. д. Из древних письменных памятников видно, что с самого принятия христианской веры по XVIII столетие было много язычников в областях России и древних суеверий, к коим относятся и встреча с монахом как предвестие несчастья, обливание водой в праздники и на свадьбах и волшебства, против коих восставали иерархи российские. Даже в XVII веке митрополит Белгородский и Обоянский Мисаил в грамоте своей в Курск упоминает, что там «в Воскресные, Господские и Богородичные дни умножилось великое пьянство и бесовское глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми: сходились по вечерам и во все-нощных позорищах по улицам и на полях, слушать богомерзких песней и всяких бесовских

игр; а о Рождестве Хр. и до Богоявленияго дни собиралися по вечерам и в ноши на бесовския игры» и т. д.²⁹

Как у римлян гладиаторские игры (*ludi funebres*), так у славян *Тризна*, соответствующая скифо-гуннской *Strava*, чешской *Strowa*, учреждены были в память усопших. «Уже поздно, – говорит Тертуллиан, – игры перешли от чествования богов и усопших к чествованию живых». Пиршество в честь мертвых, или *Стправ а*, по свидетельству византийских историков, было причиной великого бедствия славян в VI веке, тогда побитых греками³⁰. У северных народов, по мнению Вормия, *de rebus Danicis*, *Стпшава* было пиршество в память и честь усопших, на их могилах; о нем упоминает и Карл Великий в Капитул (VI, с. 194). Великая княгиня Ольга, в язычестве совершившая по своему мужу тризну, соединенную с убийствами, в христианстве своим, по сказанию наших летописателей, запретила сыну своему делать в память о себе тризну по обычаю языческому³¹. Как летописи ясно говорят, что кривичи, северяне, вятичи и радимичи, подобно римлянам, сожигали мертвых, то заведение это на Севере, особливо в Скандинавии общее, перенесено варяго-руссами в Россию и недавно повторялось при борьбе Греции с Турцией: тогда паргиноты, проданные Али-паше, покидая свою родину, сожгли кости своих предков. Самое слово *Тризна*, сходное с богемским *trúznění* – *умерщвление, терзание*, объясняется в Словаре Памвы Берынды *поединком, ширмерством*³². Посему очевидно, что она сопровождалась единоборствами, убийствами и *терзаниями* себе лица и груди на могиле покойника, как благоугодными тени его жертвами, и пиршеством, на коем поминались дела его с похвалами. К тризнам отнести можно *Родительские* (*Parentalia, Οσία*) и наши *Радунницы*, о коих скажем подробнее в своем месте.

Во многих германских и славянских землях доселе сохранились следы праздников в честь мертвых: в Саксонии, Лаузице, Богемии, Силезии и Польше народ хаживал 1 марта, в час рассвета, с факелами на кладбища и там приносил жертвы усопшим. На кладбищах, кои в Псковской и Тверской губерниях называются *буйями* и *буйвищами*, доньше в Святки делают гадания. Празднование Семика приходилось в тот самый день, когда, по древнему обычаю, погребали и поминали убогих на скудельницах, или убогих домах. В Троицкую субботу, как видно из Стоглава, «сходились мужи и жены на жальники (то есть на кладбища) и плакали на могилах с великим кричанием, и когда там станут играть скоморохи и гудошники: то они перестанут плакать и начнут скакать, плясать и в ладоши бить на тех жальниках». С исключением последнего, подобный обряд наблюдается и доньше в Смоленской губернии. О лай Великий и другие описывают старинные обряды перед наступлением Великого поста в мертвое воскресенье (*Todsonntag*), изгнания зимы, или смерти, кои встречаются у славянских и германских племен, а в Польше известен под именем *Маржаны*. В это же время франки совершали подобное торжество в память усопших, соединенное с мимическими представлениями и песнопениями.

2. К древним праздникам язычества принадлежат *Русалии*, кои совершались на Русальной неделе, то есть неделе Святых Отец. Вальсамон называет этот праздник древним, чужестранным, о коем упомянем особенно. При Длугоше в XV веке у поляков повторялось в Пятидесятницу языческое празднество *Стадо*, сходное с сибирской и московской *Тюлтою*, или *Семиком*³³.

Иностраные путешественники в Россию XVII века описывают древний народный праздник, приходившийся в *Петров день*; тогда жены и девицы, дотоле сидевшие взаперти дома, наряженные выходили на луга и там качались на качелях и скакали на досках, пели песни в веселых хороводах с рукоплесканиями³⁴. В Стоглаве упоминается о *наливках*, на кои хаживал народ в первый понедельник Петрова поста. Торжество сие вероятно совершалось в честь Ярилы, который и ныне около этого времени вспоминается в разных губерниях России, особливо северных и южных. В Тульской губернии на Петров день за час до рассвета крестьяне

и крестьянки в праздничных нарядах собираются на холм *караулить солнце*³⁵, которое, по их мнению, согласно с мнением исландцев³⁶, на своем восходе *играет* так, как и в светлое Воскресенье. Ладо воспевается в *праздник солнца* и в Семик, прообразующий в себе символический союз неба с землей и плодотворную любовь между обоими полами.

Из явлений в природе, столь ощутительных для человека, повороты солнца, разделяющие год на две равные части, были сильным поводом к учреждению среди племен славяно-русских праздников *Коледы* и *Купали*, сколь важных своим отношением к нуждам человека, столь же древним и по своему происхождению. Они не только существовали у славян, но и у многих народов Европы и Азии под разными только именами, имея символами своими в одном воду, в другом огонь. В них заметны сродное человеку стремление к сближению с духовным миром и поклонение первенствующим стихиям мира, которое, вероятно, есть остаток славянского богослужения; ибо на севере России доселе простой народ величает огонь и воду *Царем* и *Царицей*. Относящиеся к тому и другому празднику мифы – более физические, чем исторические. Византийские историки упоминают о принадлежностях праздника Коледы (рождение непобедимого Солнца, *natalis Solis invicti*, у римлян), известного у скандинавов под именем Jol, у англо-саксов под именем *Материнской ночи (Moedre-nicht)*³⁷.

У земледельческих племен древнейшие и важнейшие праздники были после жатвы, кои только одни упоминаются у Гомера в «Одиссее» и «Илиаде»³⁸. Как славяне были земледельческим народом, который, имея свою систему земледелия, сообщил оную и другим соседственным племенам, то они отправляли при начале и конце сельских работ разные праздники, коих следы и доныне сохраняются в *дождинках*, *обжинках*, *засевках*, *досевках*, *толоках*.

Датчанин Саксон в XII веке повествует о празднике, совершавшемся к Арконе, по собрании хлеба, в честь Световида, которому приносился медовый пирог (пряник) в рост человеческий. Самый Бел-бог, как виновник хорошей жатвы³⁹, назывался *богом мух* вероятно потому, что в конце лета бывает множество мух. Славяне, посвящая земледельческие труды свои и плоды оных разным божествам, учреждали в честь их празднества, сходные с иудейским праздником жит первородных. Обычай этот перенесли они в свое христианство и доныне во многих странах России после жатвы приносят в церковь для освящения первые снопы и хлеб из первых зерен, а после выемки сотов из ульев – первые соты меда. Родившиеся от нужд и отношений общественных праздники *житейские* на Юге и Севере России получали различную физиономию как от климата, почвы и давности занятия земли, так равно и от нравов и образа жизни жителей, чем дальше к Северу, тем их было менее.

Как религиозные языческие, так и житейские праздники по своей внешности, внутренности и знаменованию изменялись в разные эпохи, в кои они протекали, именно: в *языческую*, или дохристианскую, *греческую* до татар, в *восточно-европейскую* от влияния татар, Литвы, Польши, и в *западно-европейскую* от Петра I до наших времен.

Не останавливаясь более здесь на язычестве славяно-русском, о коем выше сказано, перейдем к греческой христианской эпохе, в коей являлись следы оногo; тогда коренные идеи у народа облекались в разные новые образы и проникали чуждые ему мысли, нередко выходила *старая погудка на новый лад*.

В разных областях России еще оставались древние поверья и обряды долго после введения веры христианской в Киеве и Новгороде.

При Несторе летописце, в праздники церковные святые храмы стояли пусты, и народ сходил на игрища *десять позоры*, по его выражению: *Христиане суице, а жили по поганским обычаям*. Являлись кудесники, или волхвы, как представители древнего язычества, и нередко возмущали простодушных жителей России, еще не твердых в христианстве, которые колебались между старым верованием и вновь принятой ими верой, между заблуждением и истиной. При новгородском епископе Феодоре весь народ принял сторону такого кудесника и хотел

убить своего архипастыря, на стороне ж епископа остался один с боярами князь Глеб, который поразил топором проповедника язычества и тем кончил мятеж⁴⁰. В XII веке св. Авраамий, сокрушивший чудесно кумир Велеса, или Волоса, крестил в Ростове многих язычников тогда, как этот город был Владимирской областью⁴¹; в XIII веке Муром наполнен был язычниками, как видно из жития Благоверного князя Константина⁴².

В эту эпоху встречаются языческие имена и прозвища, какие давались христианам, например *Волосы, Водовики, Русалки*⁴³, двойственные имена языческие и христианские.

Когда татары изневолили Россию, когда ее великие князья хаживали в Орду с выходом в течение более нежели двух веков, тогда свободнее продолжались различные языческие суеверия между жителями разобщенных областей России, закосневшими в оных. Хотя при монголо-татарах, с XIV века магометанах, самые князья и вельможи русские принуждены были проходить сквозь огонь, *поклоняться кусту и идолам*; но как народ гнушался *поганскими обычаями*, то они и не могли в нем укорениться. Если и было влияние татар на Россию, то более внешнее, чем внутреннее⁴⁴.

Хотя с освобождением России от татарской неволи и с постепенным уничтожением удельной системы истреблялись или изменялись древние обычаи и поверья язычества, однако при переселении жителей из Новгорода, Пскова и других областей переносились с пепелищ на новоселья, гнездясь то в дремучих лесах, то на горах, то на погостах и жальниках, то на берегах рек и озер. После родственного союза Иоанна III с домом Палеологов, на Московщине, как средоточии России, из Греции и Рима перешли некоторые тамошние обычаи и предания, тогда, по выражению летописца, *земля наша замешалася и старые обычаи переставились*⁴⁵. Но как обычай, по старой пословице, *не клетка, не переставишь*, то многие из них оставались у простого народа в своей силе даже и тогда, когда между высшим сословием заменялись новыми, иноземными.

Грамоты новгородских архиепископов, Макария в Водскую пятину 1534 года и Феодосия 1548 года и послание игумена Памфила 1505 года в Псков, свидетельствуют о существовании там языческих требищ и обрядов⁴⁶. В Стоглаве упоминаются совершавшиеся дотолде *Русалы* об Иванове дне, сходбища в навечерие Рождества Христова и Богоявления на ночное плещевание, бесчинный говор, бесовские песни и пляски, кои оканчивались на утренней заре омовением в реках, и *Кликание мертвых* в Великий четверг, в который утром жгли солому, *Окликки* в первый день Пасхи, *Вьюнец* на Радоницы, *Наливки* в понедельник Петрова поста. Там же запрещается присутствие кудесников и ворожей при судебных поединках и скоморохов на жальниках в Троицкую субботу, в которую там на могилах за воплями и плачем следовали скоморошеские игры с пением, плясками и рукоплесканием, и т. д. Но и сам председатель Стоглавого собора, царь Иоанн Васильевич, с опричниками надевал на себя личины о Святках и Маслянице⁴⁷. В Русских соборах XVI и XVII веков, в грамотах, пастырских посланиях и житиях святых в России упоминаются древние языческие суеверия и обычаи, кои иногда входили в состав расколов и ересей, тогда возникавших. По сближении России с Европейским Западом через Литву и Польшу и по присоединении малой России к великой перешли на Север наши некоторые западные суеверия и обычаи. В судебных актах того времени часто встречаются следствия о *колдовстве* и *чародействе*, составляющих также народное верование, и о других действиях магии, коим верили во всей Европе.

В 1684 году патриарх Иоаким указом своим запретил бывшие на Москве «скверная и бесовская действия и игрища в навечерии Рождества Христова. Тогда, – пишет он, – ненаказанию мужескаго пола и женскаго собрався многим числом, от старых и молодых, мужи с женами и девки ходят по улицам и переулкам к беснованным и бесовским песням, сложенных ими, многия сквернословия присовокупляют, и плясание творят, на разжение блудных нечистот и

прочих грехопадений, и преображающесея в неподобная от Бога создания, образ человеческий пременяюще, бесовское и кумирское личат, косматые, и иными бесовскими ухищреньми содеянные образы надевающе, плясанными и прочими ухищреньми православных Христиан прельщают; також и по Рождестве Христове во 12 днех до Крещения Господа нашего И. Христа таковая ж бесовская игралица и позорища содевают». Так как Кормчая запрещает *христианом играми и на позорища ходити*, то патриарх Адриан в 1697 году в инструкции своей старостам поповским предписывает «не хоронить ни на кладбище, ни на убогом дому, а на поле и в лесу тех, которые, играя, утонут или с качели убьются».

В эпоху преобразования России Петром I личность народная сильно изменилась от влияния европейского образования, многие старые обычаи в городах вытеснялись новыми, иноземными, или запрещались царскими указами; самая одежда, жилища, образ жизни испытали перемены, кои неохотно принимали не только простолюдины, но и высшее сословие народа. Из духовного Регламента, Розыска св. Димитрия Тупталы, проповедей и указов того времени видно, что в течение сорока лет борьбы старины с новизной не везде и не совсем истребились прежние суеверия язычества, являясь в разных местах России, как то: благоговение к старым деревьям в лесах, олицетворение пятницы и т. п. Сам преобразователь иногда невольно обращался от чужеземных забав к русским потехам, давая *простор русскому уму*: в Святые вечера он с любимцами своими святошничал, переряженный, славил Христа по домам⁴⁸ и совершал другие старинные обряды, вероятно, для того чтобы сделать оные смешными и этим средством уничтожить. Указом 27 сентября 1722 года позволены «в храмовые праздники при монастырях и знатных приходах, по совершении литургии и крестного хождения, *народные забавы для народного полирования, а не для какого безобразия*».

Святейший Правительствующий синод 17 апреля 1721 года приказал объявить нарочно: «Понеже в Правительствующем Духовном Синоде ведомо учинилось, что в Российском государстве как в городах, так и в весях происходит от невежд некоторое непотребство, а именно во всю Светлую седмицу Пасхи ежели кто не бывает у утрени, такового, аки бы штрафуя, обливают водой и в реках и в прудах купают; и хотя сие простой народ делает себе будто за забаву праздничную, однако от той суетной забавы деется не токмо здравый, но и животу человеческому тщета; ибо оным от невежд купанием в глубинах иногда людей потопляют или разбивают, а сонных и хмельных внезапным обливанием ума лишают; к тому ж будто бы воспоминают *мерзких идолов, в них же был некий идол Купало, ему же на Велик день приносили жертву оным купанием; о чем пространно зрится в летописце Киевском*. Но понеже во оные времена российский народ еще не совершенно восприял святую православную веру и в ней не крепко утвердился, а ныне уже милосердием Божиим оный во благочестии сияет, а помянутого обычая невежды оставить не могут: того ради оный богопротивный и живот человеческий вредящий обычай весьма истребить, и впредь того в Российском государстве отнюдь не было б».

После Бироновских ужасов, стеснивших русскую душу, русские в царствование Елизаветы Петровны стали свободнее дышать, как говорится: *жить припеваючи*. Тогда народ увидел самую государыню в старинном русском платье, услышал ее голос в своих песнях среди веселых хороводов на игрищах; при самом дворе бывали и святочные игры и оперы итальянские и маскарады. В это время пробудилась народность в своих праздниках и потехах, откликнулась в песнях и прибаутках, сказках и загадках: не боялись о Маслянице кататься, в Святки ходить наряженные по улицам гурьбами, спрашивать имена у встречных и поперечных, подслушивать под окнами, на перекрестках гадать, свободно носили по улицам в городах и селах березку в Семик с песнями. Это продолжалось и при Екатерине II, которая любила русские игры и одежды, сама сочиняла сказки в русском вкусе, собирала пословицы народные и писала историю Русского государства.

С открытием наместничеств в России последовала большая перемена как в нравах и обычаях народных, так и в общественных празднествах, потехах и играх, кои сделались скромнее и

пристойнее; постепенно оставляемы были буйства и бесчинства, коими сопровождалась оная. Вдали от столиц, в разных областях России старинные праздники и поверья язычества сохранялись одни в большей, другие в меньшей силе; дни оных праздновались гуляньями или увеселениями на прежних местах, нередко самые их названия или преданы забвению, или получили другое значение, отдаленное от древнего, до коего трудно и добраться. Наследственные предания у народа нередко согласуются с летописями или дополняются ими, самые игрища и гульбища своими названиями напоминают о древнем быте, подтверждаемом поверьями и обычаями, песнями и сказаниями, пословицами и сказками: из них слагается, хотя и в неясных чертах, картина древнего верования народа, самородное произведение его почвы, совокупность его исконных праздников, а в них проявляется его дух, его жизнь внутренняя. Преследуя сии остатки древнего верования и быта народа в разных эпохах его жизни, видим, что языческие торжества сперва удерживались как отеческие благоговейные обряды, а потом превратились в игры и увеселения, сделавшиеся какой-то житейской необходимостью. Хотя древнее иногда уступало место новому, однако оно часто клало свою печать на последнее⁴⁹.

К новым праздникам относится *Первомайское гулянье* (Meуе-tag), или *Немецкие станы*, в Москве, которое, по преданию, заведено при царе Алексие Михайловиче немцами, им вызванными. Как у европейских народов прежде год начинался маем, то Вальпургиева ночь на 1 мая и относящиеся к ней суеверия остаются еще при перемене времени года. Забавный обычай обманывать *первого апреля* перенесен на Русь немцами, которые в 1700 году сделали из этого первое представление в Москве. *Новый год* с XV века в России празднован с сентября по церковному чиноположению, в день Симеона *летопрводца*, в который государи Российские назначали срок личного суда своим подданным; с 1700 года новолетие начинается январем месяцем, который Петр I ознаменовал торжеством в европейском вкусе с невиданными дотоле на Руси церемониями и обрядами. Вероятно, с того времени старый сентябрьский год прослыл *бабым летом*⁵⁰, которое Г. Шишков правдоподобно производит от созвездия *Бабы* (семь звезд, утичье гнездо, Плеяды), появляющегося с половины августа до половины сентября⁵¹. Но сие название найдем у немцев, поляков и сербов. По примеру европейских государств Петр I давал всенародные праздники по случаю знаменитых побед и заключения мира, полезного или славного для отечества, завел ассамблеи; в его царствование блистательны были праздники князя Меншикова, так как при Екатерине II – князя Потемкина. Кому не известен достопамятный этнографический маскарад, бывший при императрице Анне Ивановне, рыцарский, карусель и другие великолепнейшие праздники при Екатерине II, достойные особенного описания⁵²; ибо в них выражались дух того времени и память великих событий.

3. Как сама природа имеет свои праздники, на кои приглашает человека, то и он, торжественно и благоговейно встречая и провожая каждое время года, заимствует от природы белые или черные краски, радостные или унылые звуки, делит с ней веселье и горе; ощущая жизнь в природе, сам в ней живет и все собою олицетворяет. Видимые периодические перемены в природе, разделяющие продолжение времени на равные части, подали повод ознаменовать каждое время года сперва религиозными, потом житейскими праздниками, кои относятся к земледельческим трудам и хозяйственным занятиям; в них впадают сроки и сделки, торги и сходы мирские, как то: в *Юрьев* и *Семен дни*, в *Пятницы* и т. д.

Подобно англо-саксам, славяне разделяли год свой на зиму и лето, или на зимнее и летнее солнцестояние, Коледу и Купало, коих символами было колесо (коло), эмблема солнечного поворота, а самые праздники – на *зимние* и *летние*, сообразно своему климату и местности. У древних немцев год разделялся на три части – *зиму*, *весну* и *лето*; первая почиталась священ-

нейшей порой, когда торжествовались главные праздники в честь богов⁵³. При распространении славяно-русских племен по черной, чермной, и белой, малой и великой

России, впоследствии праздники их религиозные и житейские, с умножением нужд и отношений, с развитием их народности и гражданственности, умножались и могли уже делиться на *весенние* и *летние*, *осенние* и *зимние*.

С красной весной празднуется союз (лад) двух начал одушевленного человеком мира, который представляет небом и землей оба пола; растения, животные, люди суть плоды этого лада⁵⁴. В древности у русских *пролетием* назывались три весенние месяца, с коих начинаются обновление природы, новолетие и праздники народные, какими встречается весна при появлении первой хлебной птицы, грача, и весенней пташки, жаворонка: по их прилетию народ делает свои авгурии об урожае хлеба и печет из теста изображения сих перелетных пташек. Первый пролетный месяц, или березозоль, март, коему сам Бог даровал первенство⁵⁵, у славянских и скандинавских племен, как у персов, сопровождается разными торжествами и играми в честь усопших; богемцы, отчасти германцы, этот день почитают первым весенним⁵⁶; в России у простолюдинов тогда празднуется *Авсень*, *Овсень*, или *Таусень*, который перенесен на новый год с января и включает в себе другие праздники, как *Васильевы вечера* или *Святки* перед январем и после оног⁵⁷. Но как, по различию климата, в разных полосах России праздники сии переходят в разные дни месяцев, кои посему имеют названия народные, кроме книжных⁵⁸, то пастушеские и земледельческие празднества в средней и северной полосе России начинаются позднее, чем в южной, заимствуя от местности и от нравов жителей особенное выражение. Таким образом собственно *красная весна* и *Красная горка*, начинающаяся *Закликаньем весны* и *Радуницей*, празднуются или в *Фомин понедельник*, или в Егорьев день, в срок хозяйственных условий и времени выгона скота в поле с песнями об охранении стад и с ночными хождениями, что и донныне бывает около Буя, Солигалича и в других странах России. Олицетворяя *Пятницу*, народ особенно празднует ее, в *обетные пятницы* не работает, во *временные* после Пасхи по разным местам собирается на ярмарки или торги, на кои, по преданию, вывозили изображение св. Параскевии, обвешенное платками и лентами. В Духовном Регламенте замечено, что «в малой России, в полку Стародубском, в пяток водят жонку простовласу, под именем Пятницы, и водят в ходе церковном и при церкви честь оной отдает народ с дары и со упованием некия пользы». Самые часовни с образом св. Параскевии Пятницы, стоящие обыкновенно на перекрестках, слынут между простолюдьем *Пятницами*. Переходом от весенних праздников к летним служит *Первомайское гулянье*.

Из летних праздников известны в России: *Семик*, или Тюльпа, *Ярило*, *Девятая пятница*, *Купало* и *Купальница*, *Русалии*, о коих подробно скажем в своем месте.

Из осенних: *Обжинки*, *Спожинки*, *овинные именины*, *Бабье лето*, или *Семен день*, или *Летопроводца*, *Аспосов день*, или *Госпожска* в Минской губернии 8 сентября, *Осенины*, *Дмитриевская суббота*, соответствующая Дединам и Задушному дню в Литве и Польше (*Dziady*, *Dzien zaduszny*), а в Костромской губернии называемая *вселенской*, *поминальной*, *Юрьев день*, или *Егорий осенний*, и пр.

К зимним относятся: *Каледа*, или *Святки*, известные у карпатороссов и других славянских племен под именем *Корочуна*, *Васильев вечер*, *Масленица* с предшествующей ей *родительской*, которая приходится в феврале, бывшем у римлян последним месяцем года, когда у них отправлялись *Feralia* и когда в Германии на севере и юге и у славян совершались пиршества и игрища, с коими соединялось драматическое представление – *изгнание зимы*, или *смерти*, как бы предпразднество обновления года с наступлением весны и символическое представление борьбы смерти с жизнью в природе⁵⁹. Как весна в Малороссии встречается *закликаньем*, или *веснянкой*, сходной с греческим *χελιδόνιομα*, так равно *провозжаются* весна и зима с разными

обрядами, особенно ношением соломенной куклы, одетой в сарафан кумачный и в кокошник и украшенной лентами и цветами, что доныне бывает в Саратовской губернии не только при проводах весны и зимы, но и в Госпожинки по уборке хлеба. В других праздниках представляет главное действующее лицо, вероятно, какое-либо божество, избранный от мира человек, иногда юноша, иногда старик, иногда девица, например, в Ярилу, в Семик, в Всесвятское заговенье водят избранного человека, украшенного цвета и лентами; об Маслянице возят на колесе, укрепленном на столбе, в больших санях наряженного мужика, который напоминает собою древнего Крода, и т. д.

Кроме сих народных праздников бывают в течение четырех времен года *братчины, ссыпчины, холки, посиделки, беседы, Никольщины, приходские праздники* и т. д., на кои сбором со всего мира готовится кушанье и варится пиво.

4. По отношению к годовым временам и к самым церковным празднествам, в кои впадают народные праздники, одни из них предшествуют Пасхе, другие последуют за оною⁶⁰; одни из них приходятся на разные числа месяцев, то ранее, то позже, и называются *подвижными*, например, *Радуница, Семик, Масленица*; а постоянно случающиеся в одинаковые числа месяцев именовются *неподвижными*: *Семин день, или Бабье лето, Купало и Купальница, Святки*. В разных полосах России некоторые из сих праздников, особливо примененные к годовым временам по климату, столь разнообразному, отправляются то ранее, то позднее, например, *Авсень, Ярило, Красная горка, Госпожинки* и пр. Некоторые из праздников и обрядов бывают *чрезвычайные*, или *обетные*, какие отправляются по особенным случаям, например, во время мора, скотского падежа и других напастей, как то: *Пятницы, изгнание коровьей смерти, или опахиванье*, и пр.

Как народные, так и семейные праздники продолжаются обыкновенно три дня, а иногда и целую неделю. Как у скандинавов Июлийские игры, так у русских Святки продолжались двенадцать суток (*die zwolf Nachte*).

Большая часть праздников народных отправляется днем, а некоторые из них ночью, как увидим в частном описании оных: одни из них целый день с утра до ночи, другие после полудня вечером и даже ночью, особливо соединенные с гаданиями. В Тверской и Новгородской губерниях с Петрова дня девушки целый месяц гуляют по ночам. Навечерия и кануны некоторых праздников церковных посвящались простым народом на празднества и обряды языческого происхождения, что самое подтверждается Номоканоном, Стоглавом и Прологами. Такое навечерие описывается в Стоглаве следующими словами: «Накануне, на вечерни праздников Рождества Христова, Богоявления и Ивана Предтечи, сходились мужи, жены и девицы на ночное плещование, безчинный говор, на бесовския песни и скакание до самага разсвета до заутрень, когда они, умывшись в реке водою, расходились по домам». Сходно со Стоглавом свидетельствует Кранц в описании Саксонии, в XVII веке, что «в Галберштадтской деревне Шолбеке накануне Рождества Христова ночью, на погосте св. Магна, юноши и мужи с девицами провожали всю ночь в пьянстве и безчинных плясках, коими прерывали утреннее богослужение»⁶¹.

5. Естественно, народные поверья и праздники должны делиться на *отечественные* и *заимствованные* от чужих племен, с коими сближались славяне в предысторические и исторические времена. Но весь объем тех и других указать и с точностью разграничить едва ли возможно, как описать их начало, изменение, переходы, развитие, распространение и заимствование, посему должно ограничиться только главными чертами.

Судя по степени образованности русских славян, как нам описывают их западные и восточные историки, между ними возникли немногие праздники, истекшие из местности, быта и духа, кои положили на оные свою печать. Сколько время ни изглаживало ее, однако оттиски ее проглядывают на почве родной, как черты древней живописи из-под новых красок, на нее наложенных.

У южных славян, живших на щедрой земле и под ясным небом, на приволье лугов и лесов, могли скорее родиться праздники, чем у северных, у которых была продолжительнейшая зима, обширные болота и скудные средства для житья-бытья. Когда стала развиваться жизнь народная в обществах и городах у жителей русского севера и когда они вошли в сношения с другими племенами, тогда у них с торгами появились праздники, кои носят на себе знамение любимых их занятий скотоводством и земледелием, отпечаток качеств их климата, местности и нравов. Как годовое время делилось у них на *зиму* и *лето*, то и весь круг их трудов и религиозных и житейских празднеств заключался зимним и летним солнцестояниями, или *Коледой* и *Купалою*, о коих сказано выше. В этот круг внешней и внутренней их жизни входили все торжественные проявления народности и верования. Хотя в славянском переводе Кормчей (62 пр.) пропущены *Русалии*, о коих упоминается в Стоглаве, но патриарх Вальсамон и Дмитрий Хоматин в толкованиях на Кормчую приводят *Русалии*, кои от них вошли и в Стоглав. Они называют сей праздник происходящим в чужих землях (*ἐν ταῖς ἕξω χώραις γενόμενα*). Так как греки употребляли сие выражение, говоря о странах *северных* в отношении к себе, по замечанию одного из схолиастов на *Basilica*⁶², то и относится оно к болгарским славянам, у коих существовали Русалии, известные и у русских славян на юге, любимый свой цвет *красный*, или *русый*, клали они на близкие к ним предметы: на времена года, на стихии, на страну, на горы, на леса и на жито. Отсюда: *красная весна*, *красное лето*, *красное солнце*, *красная (червоная) Русь*, *красная горка*, *красный холм*, *красный лес*, *красный хлеб* и т. д. Как *белый* цвет был символом воды и воли, так *красный* – огня и войны, а *черный* — неволи и смерти. Кроме Русалий, праздника духов, коим присваивались и свадьбы на водах, *тризна* принадлежала славяно-руссам и *родительские*, совершавшиеся с языческими обрядами. Поклонение *Перуну*, главному божеству руссов, поляков, пруссов, вендов, чехов и моравов, сопровождалось празднествами, как служение богу скотоводства, *Волосу* и другим, более или менее известным кумирам славяно-русского мира. Особенное благоговение к силам мировым и планетным огню и воде, какое видим в *Купале* и *Купальнице*, без сомнения, есть остаток древнего славянского богослужения, общего с восточными племенами и принесенного на юг и север из общей их колыбели. По свидетельству византийских и отечественных писателей, славяно-русские племена чтили *реки* и *колодези*, или *кладенцы*, *студенцы*⁶³, поклонялись дубам, подобно германцам, и приносили тем и другим жертвы, по коим делали гадания, кидали жребии⁶⁴. На острове Рюгене в дремучем лесу находилось святое озеро *Студенец*, перед коим благоговели славяне. Следы этого благоговения к воде остались в некоторых областях России: между прочим в Буе, уездном городе Костромской губернии, доселе девки в великий Четверток *кликают весну* и, ежели раскрылась вода, входят в реку, и одна с другой, схватясь за руки, припевают: *весна, весна красна, приди весна, с милостью, с милостью, с великою благостью!*

Особенное внимание заслуживают обряды, совершаемые при свадьбах, погребениях, на сельских праздниках и в хороводных играх. Многие из них столь древни, что напоминают нам об исконном сродстве нашем с греками и римлянами, или, по крайней мере, об одинаковом с ними происхождении из древнего уголка Азии – рассадника всех европейских народов и всего земного населения⁶⁵.

Если по сходству обычаев и языка одного народа с другим можно заключать о сродстве оных, то и о сродстве славяно-руссов с восточными, германскими племенами, греко-римлянами и другими народами можно судить по сходству некоторых их поверий, религиозных обря-

дов и многих слов в языках. Время и место такого сродства между сими народами, скрываясь во мраке предысторических времен, объясняются отчасти соображениями, внешними и внутренними признаками: к ним относятся быт и дух народа с его поверьями, обычаями и праздниками, из коих обыкновенно заимствует один народ у другого более сообразные с местностью своей и с естественными и нравственными потребностями. Кроме сего, сходство может быть в символах, почерпаемых из одного общего источника – природы, по врожденному человеку побуждению. Поклонение первенствующим стихиям огню и воде, благоговение к рекам, например Бугу, Дунаю, Дону, прославляемым в песнях народных, частые омовения и купанье, сожигание мертвых общи у жителей Востока со славяно-руссами в их язычестве. О перескакивании через огонь для очищения, о почтении к священным дубравам и горам упоминается в Ветхом Завете как о памятниках древнего идолопоклонства, заимствованных евреями от сириян и финикийцев⁶⁶. Гебры и парсы в Ост-Индии, исповедуя сабеизм и признавая единство Бога под именем Yerd, почитают солнце и огонь его символами. У халдеев небесное божество называлось Nebo, по-санскритски Nabo, Nibu, по-арабски neba – наше *небо*. В богоучении восточных индейцев встречается славянский *Перун*, в честь которого совершается в январе, во время зимнего солнцестояния, праздник *Перун-Понгол*, или *Великий Понгол*, сопровождаемый гаданиями – *Угадали* (Ougahdy), он продолжается три дня, в кои приносятся жертвы земле и огню: первый день называется *радостью*, другой – днем *солнца*, третий – днем *быков и коров*. Представители огнепоклонения у персов именовались *Пирами* и *Магами*. Кто не узнает в их *Копале*, покаяннике, нашего *Купалу*, в их *Баши* и *Башихе* – бога и *божиху*, *богиню*, о коих мы выше упомянули? Самая обитель усопших предков, темное место, Индра, у индейцев именуется *Ямой* (Yama), священные игры 1 апреля – *Гулями* (Houli, Huli, Holaka), сходными с нашими *гулочками*, и т. д.⁶⁷

Сходство греческих мифов и обрядов с индейскими привело многих ученых к заключению, что они вместе с нечуждыми им славянами почерпали их из одного источника в предысторические времена; после переселения народов возобновилась связь славян с греками – первые проникли в самую Грецию и там в Пелопоннесе запечатлели следы свои в наименовании разных урочищ. В последствии войны, мирные и торговые сделки, путешествия славяно-руссов в Грецию, наконец принятие ими христианской веры от греков, служили проводниками в русский мир греческих обычаев, поверий и речений, из коих многие еще могли быть общими у славян с греками в те предысторические времена, когда сии народы, по всему вероятно, составляли одно племя, посему сходство в словах и поверьях того и другого было не случайное, а существенное, основанное на происхождении сих племен древнего мира от одного корня. Как византийцы называли язычников *элинами* для отличия от правоверных – греков⁶⁸, а языческие обряды *элинскими*, то и русские именовали свои древние, дохристианские обычаи *элинскими*. Без сомнения, от греков заимствованы кроме церковных праздников и житейские, вместе с их обычаями и уставами, кои больше действовали на высшие сословия народа, чем на простолюдинов, приверженных к древним обычаям и поверьям своих предков. Гомеровский эпитет Ареса (Марса) γούρος *ярый*, столь сходный с арабским *тавром*, со скандинавским *Туром* и этрусским Turan, находится и в Игровой песне *Буй-Тур*, так равно эпитет *Вулкана* παλίγκωτος, *паки-гневающийся*, близок с прозванием св. Бориса в Белоруссии, который слывет *паликотом*, или *паликопом*, потому что подобно древнему Вулкану на нечтущих памяти его низводит перуны! В самом слове *Перун* отзывается греческое πῖρ *огнь*. Наша *мать земля* близка с Γῆ μήτηρ, или Δά μάτηρ *земля-мать*, или Церера, кормилица рода человеческого. В древностях элинских встречаются сходные со славянскими *родительские* (Γενέδια, Οδία), *птицезолхование* (οἰωνομαντεία), *литье соска в воду* (κηρομαντεία), *гадание* или *колдование* (κλήδονες, новогреч. κλήδονα), при коем и доньне кладут не только женщины, но и мужчины в сосуд перстень или монету, которую вынимают под песни⁶⁹. У греков также изве-

стен был божеский суд – испытание железом (μίδρος)⁷⁰. Наш Семик имеет сходство с Адонисовым праздником, при окончании коего греки бросали в море или реку венки, цветы и древесные листья⁷¹, или с упоминаемым в Феодосиевом уложении Δενδροφορία – ношением ветвей древесных по городу в честь одного божества; русская одного божества; русская игра *жив, жив* (ξη, εξη?) *курулка*, похожа на торжественное в честь Прометея беганье со светочами (λαμπλαδοφορία, λαμπλαδούχος αγών)⁷². Гнедич объясняет праздник и песни Коляды греческим словом χολάδες, то есть *внутренности, кишки*, по сходству с малороссийским обычаем при коледовании просить в награду *кольцо колбасы*⁷³. У Гомера в «Илиаде» над трупом Гектора делается *причитание* (ίάλεμος), какие сохранились в летописях наших и какие употребительны у простолюдинов. Самое слово *игра* однородно с греческим ὑγρία, кои были хороводы при таинствах Цереры⁷⁴, даже наш *хоровод*, или *коровод*, у других славянских племен известный под именем *коло*⁷⁵, эллинского происхождения, от χορός *хор, лик поющих и пляшущих*, и άγω *веду*, как бы *посолонь*, или от χοροβάτέω *ступая в хоре*; ибо собственно хоровод прообразовал течение солнца. Многие из праздников эллинских, также как у русских, продолжались *три дня* (τριμερία); самое слово *сорокоуст* есть позднее греческое Σαράκοντα и Σαράντα – *сорок дней*. Ф. Греф доказывает из «Илиады» (VII п. ст. 171), что наш простой народ также метает жребии, как металы греки на полях Троянских⁷⁶.

Нынешние греки удержали у себя многие обычаи и поверья древних предков своих: у них есть родники, *криницы* (κρήναι), почитаемые священными, как у нас, куда они приносят больных для исцеления⁷⁷. *Первого мая* (Πρωτομαία) у них двери всех домов, как у нас в Семик, украшаются цветами и ветвями и вся Греция встречает начало лета увеселениями народными. Грекам, вероятно, славяне русские подражали в замене богов язычества святыми христианства. Как все прекрасное и благое происходит от Бога через посредство ангелов и святых, которые у греков заступили место полубогов и гениев, посему у них также Сорок мучеников приводят весну и соловьев, св. Николай Чудотворец утишает бури, а св. Георгий, весьма уважаемый самыми турками, покровительствует земледелию и скотоводству, и там его днем торжественно открывается год пастушеский и празднуется семейным пиршеством, на коем съедают первенца стада⁷⁸.

От древнего сродства в предысторические времена славян с римлянами, которые сами хвалились происхождением своим от венетов, славянского племени, потом от соседства латинских колоний с славянскими народами по Дунаю и наконец от влияния греко-римлян в средние века на Россию, вошло в русский мир много поверий и обычаев, а в язык – много слов римских. Древний римский язык, по мнению Арндта и Г. Мейдингера, ближе со славянским, чем с немецким⁷⁹. Сколько римского доселе осталось в общих чертах русского народа, в его быту, в законах, в календаре и т. и.! Выше заметили мы о сходстве некоторых народных суеверий и религиозных обрядов у римлян со славяно-русскими, к которым могли перейти оные посредством немцев и литовцев. Гений-хранитель, *постень* (incubus, succubus, ἐφιάλτης), *домовой* (domiducus, са), *родительские* (parentalia), *девятины* (novemdialia) и прочие, возводят нас к религиям пеласгийским, столь сходным с древне-италийскими. Если ближе сличить происхождение и знаменование некоторых богов римских, то они, может статься, найдутся нечуждыми славянским. Скандинавская Freya, вероятно, родственница с римской Frutis-Seja, или Seiana, и славянской *Севанюю*, происходящей от *сеяния*, как Vertumnus – бог садов и плодов от *верша*, сада⁸⁰. Древние русские слова *див* и *дива* близки с латинскими divus, diva, или с упоминаемыми в Салийских песнях Deivos sanos и Deiva sana, божеств солнца и луны, сходных с нашими *Ладо* и *Ладюю*. Неопределенность пола божеств ясно выражается в самых молитвах квиритов: sive deus, sive dea⁸¹. Благоговение к аеролитам и камням одинаковое почти было у славян русских с

римлянами и греками, которые имели у себя *ombria, lapides sacri, baetyli, κεραυνίας* и *Jupiter Iapis*, которым они клялись.

У латинцев хождения вокруг полей перед посевом и после посева *Ambarvalia, Sementinae* похожи на подобные русские обряды, кои и доныне существуют у простого народа. Упомянутые в Стоглаве *гудцы* и *прегудницы*, игравшие со скоморохами на могилах покойников, близки с латинскими *tibicines* и *fidicines*, а *плакуши* с *graeficae*. Подобно древним римлянам, народцы, населявшие Русь, сжигали своих умерших для того, чтобы тленные остатки сохранить от поругания и душу очистить от скверны плоти. У русских и доныне, по Уставу церковному, бросают землю на мертвого, как бывало у жителей лаццйских⁸², по совершении же похоронных обрядов, дают обед в память усопших – латинский *silicernium, charistia*. Как у римлян делались возлияния (*libations, minibus patentabatur*) на жертвенник, сооруженный перед гробницей⁸³, так доселе в некоторых местах России, например, в Галиче, в *родительские, третины, девятины* и *сорочины* льют панихиду (канун) на могилы покойников. Из Луциана и Ювенала видим, что греки и римляне клали на гробницы яйца, как очистительные жертвы, что доныне наблюдается в Радуницу между простым народом в России. Упоминаемые в Кормчей *Каланды Январские*, неизвестные элинам, во многом сходны с играми святочными, так как и старинные слова *скураты* и *ларвы*, или личины, хари, встречающиеся в отеческих книгах, в свойстве с латинскими *scutga* и *larva*; даже в Номоканоне Афонской горы (Киев, 1624) говорится, что «ныне в одежду женскую мужи облачатся, и жены в мужскую, или наличники, якоже в странах *Латинских* (Христиан Западной Церкви) зле обыкоша, творят». Впрочем может быть и то, как замечает Р. Тимковский, что «наряды в маски и разные странные одеяния, какие и теперь бывают во время Масляницы, заранее перешли к предкам нашим от скандинавов и греков»⁸⁴. Римляне во время *Палилий*, праздника основания Рима, как у нас в Купалу, *налили* сухое дерево и хворост, и через этот огонь троекратно перескакивали. Канне в мифологии своей вместе с издателями *Edda Saemundina* находит очевидное сходство латинской *Палесы* — *Pales* с азиатским *Bal, Baal*, скандинавским *Vál* *огнь, пламя*, и русским *палити* – жечь и *палило*. *Палием* в Малороссии прозывается св. Пантелеймон, потому что он *палит* копны сена и скирды хлеба у тех, кто работает в его праздник.

В мае месяце совершался в Риме при Остии праздник (*Maiuma*), во время коего мужчины обливали друг друга водой⁸⁵, как бывало на Руси во время всей Светлой седмицы. В Риме, в идах мая, торжественно кидали со священного моста в Тибр тростниковых болванов (*simulacra scirpea*). Немецкие славяне и жители некоторых областей России доселе бросают в реки с различными обрядами соломенные чучела весной и летом. Как у римлян, так и у русских май месяц почитался неблагоприятным для супружеств; у первых была пословица: *Mense Maio nubunt mali*, сходная с приметой последних: *Кто в мае женится, тот будет маяться*, и с французской: *Noces de Mai, noces mortelles*⁸⁶. В свадебных обрядах римлян и русских находится много сходного: само слово *свадьба*, старое *сватба*, одного корня с латинским *suada*, то есть *привлекательная*, прозвание Венеры, так равно и свадебный *коробай* с латинским древним обрядом бракосочетания *confarreatio*, при коем, по свидетельству Т. Варрона, в древности у римлян на пороге ставились огонь и вода – первый знаменовал мужа, а вторая – жену: ибо огонь оплодотворяет, а вода производит.

Кто не узнает в приводимом церковными книгами *воронограе, птицеволховании* и в сохранившихся доселе между простым народом гаданиях по клеванию, пению и полету птиц этрусско-римские *auguria* и *auspicia*? Сколько было примет у них, сходных с нашими! Чихание (*sternutatio*), при коем они говорили, так же как и мы, *здравствуй* (*salve*)⁸⁷, *звон в ушах* (*tinnitus aurium*)⁸⁸, *чесотка зубов* (*pruritus dentium*)⁸⁹, *просыпание соли* на столе и т. д.

У римлян, веривших также *призору очес*, или *изурочиванью*, было и божество *Fascinus*, предохранявшее от этого и младенцев (*custos infantium*); они оговаривались и оплевывались,

когда кто хвалил их дородство или красоту, как видно из следующих слов Петрония (sat. p. 805: *Nos peracto carmine, me exruere jussit*). У них были, так же как у нас, *черные*, или *злые*, дни (*dies atrī*), в кои они ничего не начинали. Местами жертвоприношений и совершения других священных обрядов, подобно славянам и немцам, были у римлян священные дубравы (*luci*) и источники (*fontes*); ибо, по словам Липсия, древнее существовало поверье, что «источники и реки почитались меньшими богами и гениями». Это сходно со словами, включенными в славянскую рукопись XI века, о коей выше приведено: «Ов реку богиню нарицает и зверь живущ в ней яко бога нарицаая, требу творит». Римляне также приносили богам своим цветы, ладан⁹⁰, свечи⁹¹, мед, кроме обыкновенных жертв животными, делали из металлов по обещанию привески изображений больных частей тела (*e voto*), очищали лустральною водою людей, оскверненных преступлениями, поля, дома и города (*lustratio ordinaria et extraordinaria*)⁹². «Весну, – по свидетельству И. Лаврентия Лидийского, – называли они *зеленою*, присваивая сей цвет земле, а лето – *красным*, посвящая красный цвет огню и Марсу»⁹³. Праздники у римлян продолжались по большей части три дня, как у русских⁹⁴.

Западные писатели о славянской мифологии, по нелепому обычаю греков и римлян, часто сравнивали славянские божества с римскими, составляли новые, небывалые⁹⁵.

Выше заметили мы о сходстве славянской мифологии во многих чертах со скандинавской, нашли в ней *Перуна*, *Волоса* своего и другие мифы; то же сходство найдется и во многих обрядах и праздниках народных. Скандинавы, или варяги, разделяли так же год на два равноденствия, кои знаменовались праздниками – зимнее Польским (*Iuul*, *Joel*), который отправлялся в Норвегии более в честь Тора, а в Дании посвящался Одину для испрошения благословенной жатвы и скорого возвращения солнца: оный соответствует нашим

Святкам, кои у датчан называются *Iuul*; они прежде сопровождалась переряживанием⁹⁶ людей в козлов, лошадей и быков. Известный в святошных наших играх *суженый ряженый* почти одинаковую роль играет со скандинавским *Julevetten*, который внезапно является в дома. При византийском дворе варанги (варяги) и готфы, составлявшие царскую дружину, по свидетельству Константина Порфирородного и Кодина⁹⁷, об Рождестве Христове являлись в личинах и шубах, вывороченных на изнанку, вертелись, ударяли жезлами в щиты и пели песни под музыку. Сии святочные игры слыли в Царьграде *готическими* и продолжались до самого разрушения Византийской империи⁹⁸. В летнее равноденствие (*Midsommersnat*, или *Sankt Hans Aften*) у датчан везде на севере зажигались костры, некогда посвящавшиеся Балдеру и называемые в России *купальским огнем*; там, подобно как у нас, в этот день купаются для здоровья и собираемые травы (*Sankt Hans Urt*) почитаются целительными от порчей и недугов.

День Тором, или Туоров четверг, слывающий у датчан в простонародье *зеленым* и *легким* для дел, из языческого праздника 692 года по Рождеству Христову превращен в христианское торжество римско-католической церкви под именем *dies viridium*, на основании псалма XXIII, 2, в коем слово *viridis* выражено на славянском *значный*. Издревле в Исландии при начале весны праздновали в четверг Тору и доньне празднуют, как в России *Семицкий четверг*. Тогда, по мнению скандинавов, Тор, победив Тиасса, зимнего гиганта, воспринимал полное владычество в природе. Исландскому названию соответствует немецкое: *der grune*, *der hohe Donnerstag*, английское *holy Thursday*, то есть *святой Туоров день*, и шведское *Helig Thorsdag*, в который простолюдины в Германии имели обыкновение есть зелень. Вероятно, что к миру славянорусского язычества относится народная поговорка о чем-либо несбыточном: *после дождичка в четверг*. Майский праздник, по-тевтонски *Meue-tag*, был радостнейшим у шведов, датчан, германцев, англо-: он отправлялся и в Германии, и в Дании, в известное время года, с песнями и хороводами вокруг майского древа. Как у нас в Семик, так у них в этот Майский празд-

ник поселяне увенчивают себя цветами и носят в руках зеленые древесные ветви. Майский праздник при Олае Великом торжественно совершался в Швеции самим королем и его двором, который вмешивался в веселые толпы народа. То же бывало и в Дании. Как персиане в новый свой год, при возвращении весны, имеют обыкновение дарить друзей своих раскрашенными яйцами, так скандинавы и русские в продолжение Пасхи христосуются и меняются красными яйцами. *Первого апреля* обманывают друг друга не только на Руси, но и в Дании, Швеции и Новегии, где также празднуется 23 апреля – *Егорьев день* (Jorgen на датском, Gogan на шведском), когда в Исландии и Финляндии торжествуется наступление весны, или летней поры, с различными языческими обрядами. Св. Георгию суеверие жителей скандинавских придавало почти такие же качества и дела, какие Тору или Одину. Крещеные варяги прежде веровали в славяно-русского Перуна и в Тора. Между именами руссов, заключивших договор, находятся *Турбид* и *Турберн*, которые, по-видимому, соответствуют скандинавским Thorfrid, Thorfid и Thorbern¹⁰⁰. В Костромской губернии доселе поют песню в честь Тура:

Ой, Тур – молодец удалой!
Тур из города большого
Вызывал красну девицу
С ним на траве побороться,
Ой, Дид Ладо, побороться;

и пр.

Когда, по низвержении в Скандинавии кумиров Тура, одержавшего, по народному преданию, победу над драконом, поставлен был лик св. Михаила Архангела, низринувшего сатану, суеверие народа стало смешивать лица и действия того и другого; день Архангела (Mihiltag) празднуется, особенно в Дании, веселыми пиршествами, кои называются *осенними, жатвенными* (Host-Gilde), а в Борнголме – *Михайловскими*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.